

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Кузбасс

Орган Кемеровского областного и городского комитетов КПСС, областного и городского Советов депутатов трудящихся

№ 235 (2221). ВСКРЕСЕНЬЕ. 3 ОКТЯБРЯ 1954 г. Цена 20 коп.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

УБИРАТЬ УРОЖАЙ ДНЕМ И НОЧЬЮ В ЛЮБОЕ ПОГОДУ. ВСЕМИ СРЕДСТВАМИ (1 стр.).
П. Радецкий — Завод и подпольный колхоз (2 стр.).
Подписание Соглашения между Правительством Союза ССР и Правительством Германской Демократической Республики о неэкспортных платежах (2 стр.).
Подписание компенсационного соглашения о вза-

имных поставках товаров между советскими и германскими внешнеторговыми организациями (2 стр.).
РАСКАЗЫ А. Косаря — Поезд отъездов (2 стр.).
СОЗДАНИЕ В ЧЕСТИ 37-А ГОДОВЩИНЫ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ. Дадим Родине больше угля и металла (3 стр.).
ФЕЛЬЕТОН В. Васильев, Л. Макавин — Жуклик под покровительством (3 стр.).
Пять лет Китайской Народной Республики (4 стр.).

Перед отъездом

Рассказ

На строительстве железной дороги, особенно здесь, в тайге, в горах и на болотах, где машину далеко не всегда и не везде провести можно, надо быть мастером на все руки.

Именно такая и есть Аня Острикова. В любое время года любой инструмент играет у нее в руках.

— Я понимаю, была бы взрослая женщина, куда ни шло, — недоумевал новый путеец, — а то зенена, как рожи по весне. Откуда в ней спорозка, сила?

Скоровороткой Аня заставила замолчать неосторожного на слова путейца.

— Зелена, да воляна, оттого и сильна!.. Е-то, Аню Острикову, вроде делегата, женщины послали в контору строительного участка.

— Не будем без Волостникова! — сказала Аня секретарю партбюро. — Не будем и все!.

Женщины, пославшие Аню в контору, привыкли к своему бригадиру, полюбили его, толкового, за расторопность, за строгое, но справедливое к ним отношение, что особенно ценят рабочий человек в своем руководителе, и теперь ни за что не хотели отпускать Волостникова.

Секретарь партбюро не раз слышал от Волостникова об Ане: «Моя правая рука», слышал, но внимания не обратил. А Федор Яковлевич, щедрый от природы, делал со своими подчиненными всем, чем-то успев научиться за неделю, но богатую жизнь. И самки молодая и, пожалуй, самая пытливая в бригаде Аня больше других сумела перенять от него и все запомнить.

Федор Яковлевич принадлежал к тем счастливым людям, которые рано и сравнительно быстро, не теряя понапрасну силы в бесплодных поисках, открыли свое призвание, раз и навсегда нашли себе занятие по сердцу и отдают ему все себя.

То, что у некоторых «неудачников» затянется на годы, а иногда и на всю жизнь, у Федора Яковлевича прошло за несколько месяцев. Поработал на строительстве завода — не понравилось. Пошла пилонравом-автоматиком — не понравилось.

— А вот как за дорогу занялась, — вспоминает он, — так до сих пор с ней не расстаюсь. Люблю новую дорогу — и все тут...

«Защенился» он за дорогу на станции Тогуши еще до войны. В Кузбасс вли новую магистраль. Волостников приехал с Южного Урала в Сибирь погостить, увидел, на какое дело здесь размакнулись, и остался. Не зная еще хорошо, а скорее всего сердцем чувствуя, чем будет лучше прежних, других, его новая работа, осталась на строительстве железной дороги.

Секретарь партбюро, глядя на Аню, вспоминал, как ее отчитывал однажды Волостников. За что отчитывал, секретарь не знал. Когда он подошел к ним, бригадир путейцев заканчивал, судя по не очень спокойному тону, строгий разговор. Ветер донес вместе с колокольми снежинками лишь последние слова бригадира:

— Дорогу строи для людей. Железную. Вечную...

Волостников заклебулся своим волеином и договорил только после глубокого вздоха:

— Гордость-то, гордость какая — дороги людям проводить!..

Ане, по рассказам других, был известен случай, происшедший в тайге. Его сохранил в памяти Василий Игнатьевич Высокий. Сейчас он сторож в поселке, а раньше работал с Волостниковым.

— Всем болотам болото, — шуртятся сторож на собеседника. — Воле Пихтовки овраг. Так вот оно там и есть. Поглядяли — досудки неустрашающие. А сунулись — ах! Утопится человек, ползай!..

В глазах сторожа вспыхивает искорки. Воспоминание оживает его, делает молодого, энергичный в слове и в движении.

— А нам и топиться нужды нет, и убираться носовым — никакого расчета. Не болото нам — место под новую дорогу нужно. Пока судили да рязали, как приступить к болоту, Волостникова не стало. Кинулись туда, сюда. Нет. Под вечер я совсем забеспокоился. Может, думаю, утонул в том самом болоте? Пошел обихаривать кусты под оврагом. Все заросло, перепадесть — чорт голову сломает. Шагнешь раз, а на второй непременно растаешься во весь рост, Валежник, корневца за по-

ги хватают. Трава да бурьян, что твои тайга, высоченные. Только небо над головами видно.

Побродил я, побродил бестолку, выбился из сил и повернул обратно. Чего доброго, сам заблужусь, размакнать буду. Вдруг возле обрывчика, на чистой полянке, вижу, сидит, как ни в чем не бывало, мой пропавший Волостников. Сидит в что-то чертит на земле палочкой. Проведет, посмотрит, подумает и опять чертит. Не стал я тревожить его. Видно, делом занят, коль меня не замечает. Пришел он в Пихтовку ночевать поздно вечером. Ни слова никому. Лидо такое, как было там, где я нашел Волостникова. Такое лицо, что не помышь: сам он тут, радийком, а душа где-то в другом месте. Наскоро поужинал и — спать. Чуть свет чую, толкает меня легонько в бок. Протер глаза, передо мной — Волостников. Салоги в росе, сам так и сияет, что твоё солнышко утреннее. Знать, только что с болота вернулся.

— Угадал ты, Василий Игнатьевич, — говорит мне. А сам смеется. — Нашел. Теперь колот болоту. Не устоит перед нами. Нашел я разгадку...

Разрежал мы канавы болото по бокам будущей насыпи. Третью канаву поперек провели для стока воды. Вытаскали корень. Их там больше, чем кололек в шерги бездомной собаки. Осушили болото. Сейчас на том месте насыпь, труба под новой дорогой, раз'езд. Сойдя с поезда, полюбуясь, скажи спасибо Волостникову...

Знала этот рассказ сторожа Аня Острикова. Знала она и другие случаи из здеишней жизни своего бригадира.

Когда слышь в сторону станции Салариской, за раз'ездом — Камешный ключ есть овраг. Через него проходит новая дорога по двум железобетонным трубам. В трубах все лето струится вода. А сколько ее было, когда Волостников со своими друзьями попробовал на время осушить овраг! Движок, как сердце, бесперебойно стучал круглые сутки, откачивая воду из канав. Их стенки еле держались. Приходилось через каждый метр забивать шты, закладывая крепь и удерживать ее распорками. Чтобы не держать грузы на дороге, над оврагом соорудили временный деревянный мост...

Запомнился Ане Остриковой и ее подружкам случай в большой выемке дороги. Это было настоящим испытанием для Ани, и для ее подруг, и особенно для их бригадира.

— Кого пошлем на выемку? — решили накануне. Понимали: дело очень серьезное. Только что проложенная дорога в глубокой выемке то и дело выходила из строя. Летом шпалы тонут, сколько ни подсыпай балласт, не поможет. Идет поезд и выжимает из насыпи воду, как из губки. Зимой еще хуже. Замерзавшая в насыпи влага распрывает грунт, дорога вздувается.

Не напрасно так тщательно отбирали людей. Претолстая работа была по плечу не каждому.

По обе стороны полотна выкопали траншеи. Каждая глубиной в два с лишним человеческих роста. Дорога проходила в разрезной скале. Кругом камсьи. И все же вода хлещет в траншеи беспрерывно. Только резинные сапоги и спасали. Булькать под ногами, словно в ливень. А постоить невозможно — ледяная корочка во круг сапог. Главешь вверх — снежный ветер над тобой носится, гронится замести тебя вместе с траншеей.

Рядом на рельсах стоял вагон. Но ходить в него греться охотников не было. Без вагона жарко. Поснимали полушубки. Остались в одних костюмах на морозе, а все равно жарко. В вагон заходили разве лишь на обед. И то не надолго.

В бригаде Волостникова поочередно пять человек копали траншею, пятеро вычерпывали воду. Иначе нельзя: затопит. А ему, бригадиру, не просто копать. Ему и за дело, и за людей отвечать. Удерживать четырехметровой высоты стены канавы, когда из них течет вода. Надо удержать. Не то завалит тебя и твоих людей, не выберешься. Дело двигалось так медленно, что хуже невозможно. Хотел побеседовать с бригадой. Но о чем беседовать, если все делано извне. А тут еще бок зашил нестерпимо. Даже не бок, шрам на боку, рубец на том месте, где осколком задело. И чего бы ему не терпелось! Нашел, когда нить.

Вечером после работы Волостников, как бы невзначай, рассказала своим друзьям по бригаде:

— Было это на самом северном крыле фронта, в Залопяре. Наступала мы на Печенгу. По-фински назывался тот порт Петсамо. Другой похожей земли не встречала. Вода и камень. Больше ничего. Болот! Как будто со всего веса их туда сбросали. Три реки мы форсировали, зашап вврагу в тыл и захватили дорогу. Ту сакому, по какой он отступал. Не успели мы с дружкой приблизить свой пулемет за-

каменем, как вражье длави молотить нас нами. Не столько осколком, сколько камней. Вжик!.. Того и гляди накроет. Только я начал стрелять, меня в бок осколком и шибануло. Очнулся, весь в крови. Уползать надо к санитарам. Командир приказывает. А совесть не велит. Дружку моему осколки распорили живот — умер, но не ушел от пулемета. Как же я мог уйти? На следующий день мы еще одиннадцать контратак отбили. Унесли жизни санитаров, когда сознание потерял...

Пока бригадир вспоминал фронтной эпизод, никто из рабочих не проронил ни слова. Ему стало не по себе. Еще подумают, хвастается. И он не стал рассказывать дальше, хотя ясно представлял себе кровавый стусок бумаги, который мессе-стра вынула из внутреннего кармана его шинели. Это было письмо из Сибери, от жены Лукерья. Она писала, что научилась укладывать шпалы, балластовать пути, что ее поставили бригадиром, что ее третий раз премировали и дали почетную грамоту.

Волостников лежал на госпитальной кровати и улыбался. Его веселило письмо Лукерья. Такая-то обихованная и бригадир! Уж не прихватула ли? Сколько лет он работал равные на строительстве дорог, зная-то надо все тонкости дела.

Но Лукерья Игнатьевна не прихватула. Она стала бригадиром. Жена писала об этом ему в госпиталь и в Кандалахку, и позже, в Петроаводок.

Но только теперь, в этой трудной выемке, Волостников по-настоящему понял, что значит быть бригадиром.

Ты, говорят, вчера устроил вечер фронтных воспоминаний. — пошутит на следующий день секретарь партбюро.

— Был такой грех, — отшутится в свою очередь Волостников.

— Это не грех, — спиртал улыбку секретаря. — Это хорошее дело. — Секретарь, словно мимолетом, поинтересовался, читал ли бригадир свежую газету и, узнав, что не читал, что бригадиру, как выразился Волостников, не до газет, не пожурил его, а только опять, словно мимолетом, спросил:

— Не до газет? Ты так думаешь?

Спросил, и бригадир тут же ясно, что он не так думает. Он сказал старая, не по думая. Его коричневые глаза с черными крапинками на зрачках потускнели. Но секретарь сделал вид, что не заметил смущения бригадира, и, чтобы спадить неловкость, достал из кармана полушубка газету:

— Кстати, вот, возьми. Я уже прочитал...

Оставшись один, бригадир развернул газету и на первой странице прочитал главу, подчеркнутую красным карандашом: «Следую почтуну передовиков, мы разбили бригаду на звеня. Каждому звену поручили одну операцию. Звеня обязались выполнять свою работу только на отлично и контролировать друг друга».

Волостников перенал зметку с начала до конца. Как же это я до такого не додумался! Прозе и здорово!

Тут же, возле насыпи, повернувшись к снежному ветру спиной, он прочитал газетную зметку громко, чтобы слышали все, даждик повторил про отличное качество и про вышнюю контроль.

— Вот до чего додумались наши соседи, — закончил бригадир. И вдруг из самой глубины четырехметровой траншеи до него долетел тоненький знакомый голос:

— А мы что ж, лямку шиты? Хуже сосед?

Каждый узнал самую молодую в бригаде девушку Аню Острикову.

— Правильно, Аня! — поддержали ее подруги.

Бригадирю только этого и не хватало.

Люди остались те же самые, а вода в траншею, кажется, стало меньше. Осушили дно, положили на него «подушку» из щебенки, на подушку доток-трубу, сбиту из просмоленных досок, на доток — камень, балласт. Утрамбовали. И сверху устроили кювет для стока воды.

— Теперь насыпь, как сахарик! — смеялась Аня. — Воды здесь ни капельки.

Аня видела, что не права: вода вытекает из скальной выемки беспрерывно. Но у девушки и ее подруг было радостное настроение. Почему же не пошутить, не посмеяться? Вода теперь не страшна. Она течет мимо насыпи. Езжай по дороге споконим. Волостниковская работа.

И вволю, куда ни посылали бригаду Волостникова, он расставлял своих людей умело. Какую бы работу ни поручили, каждый в его бригаде знает свое место, помогает соседу и тут же проверяет его. А другим и победа ближе.

Потому-то бригада так переживала расставание с Волостниковым, хотя он оставался ее лишь на время. Потому Аня Острикова так настаивала «вернуть» Федора Яковлевича в бригаду, хотя понимала, что уговаривающий ее секретарь партбюро прав: Волостников поедет на курсы, выучится на мастера.

Нашивая ленточки, думал секретарь. Кому же не жаль отпустить такого умелого человека? А надо.

А. КОСАРЬ